

И.В.Сахаров

**Генеалогия и антропонимика:
Генеалогические методы изучения истории семей
как инструмент познания обычаев наречения имени**

Первоосновой генеалогии является просопография.

Генеалогия *par excellence* ставит задачу досконально, исчерпывающее зафиксировать персональный состав изучаемой семьи (именно исчерпывающий, включая, в частности, даже тех, кто умер в младенчестве). Наиболее существенный признак, неизменно присущий каждой личности и позволяющий идентифицировать ее, – это личное имя. «Бог творил без обезлички / в сполохах зарниц / первопрозвища и клички / трав, людей и птиц» (З.Вальшонок), и далеко не случайно в тексте Библии (как в Ветхом, так и в Новом Завете), равно как и в предшествовавших ей древнейших религиозных памятниках и эпосах среди персонажей почти не встречаются тезки; создается впечатление, что в те далекие времена каждый человек, будучи создан по одному и тому же образу – образу Божию, был (и, разумеется, остается таковым и поныне) уникален, неповторим, самоценен, и, соответственно, его имя принадлежало только ему. Более того, во многих социумах, у многих этнических общностей и конфессиональных групп имени придавался сакральный смысл, и наречение имени было оформлено соответствующим ритуалом. Характерно, что в русской православной среде дню Ангела человека, его *именинам*, придавалось и придается поныне не меньшее, а то и большее значение, чем дню рождения. Поэтому генеалоги в качестве одного из основных девизов, который можно начертать на знамени их сообщества, могут взять известные слова Анны Ахматовой «Хотелось бы всех поименно назвать» (причем акцентировать следует в равной степени и слово «всех», и слово «поименно»).

Генеалогический подход к семейным и родовым ономастиконам не только и не просто позволяет проиллюстрировать «антропонимический контекст» жизни семьи, семейного уклада, но и обнаружить специфические и необычные черты бытования имен и даже иногда объяснить причины этой «необычности».

Ниже речь пойдет о ситуации, наблюдаемой в России, в основном на примере православных и в основном в период, предшествующий 1917 году.

В начале Руси, в дохристианский период, в составе правящей династии, члены которой носили языческие имена, некоторые из них в первых коленах потомства Рюрика стали распространенными. При восприятии христианства князьям-рюриковичам, естественно, при крещении давались новые имена, заимствованные в греческом ономастиконе, в византийских святцах; при этом нередко новокрещенные (а иногда и их дети и даже внуки) продолжали жить под двумя именами – новым, христианским, и старым, традиционным языческим. Однако в тех случаях, когда такие двуименные князья-христиане удостоивались Церковью причисления к лику святых, именно их прежнее, языческое имя обретало новую жизнь и включалось Церковью в святцы. Характерные примеры – Владимир и его сыновья Борис и Глеб (в крещении соответственно Василий, Роман и Давид), Ростислав (в крещении Михаил), Святослав (в крещении Гавриил), Игорь (в крещении Георгий) и так далее, и некоторые их «новые» имена опять-таки стали традиционными, причем для разных отраслей потомков Рюрика – разные.

Так или иначе, после принятия Русью христианства единственным источником, из которого «черпались» имена при крещении в православной церкви, служили святцы.

При этом в XV-XVI столетиях многие люди имели также прозвища и в быту были известны именно под своими прозвищами. Отчасти это было связано с распространенным представлением о том, что имена, полученные при крещении, желательно держать в тайне. Это явление чрезвычайно затрудняет работу генеалогом по выявлению персонального состава изучаемого рода: один и тот же человек может фигурировать, скажем, в писцовой книге под одним именем, в десятне под другим, а если бы мы могли присутствовать на молитвенном поминании его на молебне или на панихиде, то обнаружили бы, что на небесах он «известен» под третьим. Другой вариант – в документах тот или иной человек значится под одним именем, а в отчестве его детей мы обнаруживаем, что его звали иначе (знаменитый Скуратов был известен как Малюта, но дочери его именовались Лукьяновнами).

Обратимся к более поздним временам, когда имя, полученное при крещении, перестало быть тайным.

В принципе, выбирая имя для новорожденного, родители могли руководствоваться самыми разными соображениями. В их распоряжении был полный набор имен, содержащихся в святцах. Набор этот весьма многочислен, однако на практике популярностью пользовался сравнительно узкий круг имен. «Мода» на имена могла меняться, но, тем не менее, большинство «канонических» имен практически не использовалось. Вместе с тем существовало и мнение, что новорожденному желательно давать имя того святого, который прославлялся церковью в тот день, когда младенца крестили, и если этому правилу следовали, то в семье могли появляться дети с именами, весьма редко употребляемыми и даже звучащими непривычно для русского уха.

Однако издавна существовали и некоторые более или менее общепринятые традиции наречения имени.

Так, весьма распространенной была практика называть ребенка в честь одного из близких родственников, в частности, в честь одного из дедов или одной из бабушек или в честь дядей и тетушек и так далее. С другой стороны, бытовал обычай давать имя в честь восприемника или восприемницы младенца от купели. При этом в этой роли нередко выступали именно близкие родственники. Добавим, что иногда соблюдался и некий порядок и в выборе крестных отцов и матерей среди родни, и в наречения имени в многодетных семьях.

Соответственно, во многих случаях некоторые имена из поколения в поколения повторялись, делались традиционными.

Можно привести следующие примеры. В роду Нарышкиных самыми распространенными стали имена Кирилл и Лев, у графов Бобринских – Алексей, в одной из ветвей Римских-Корсаковых – Воин. Особенно это бросается в глаза, когда речь идет об именах редко употребляемых и даже экзотических. Так, по воле крестного отца, в роли которого выступил Петр I, новорожденный сын Василия Дмитриевича Олсуфьева (будущего графа) получил при крещении имя Адам (имя, совершенно необычное в русской среде того времени, хотя оно и значится в святцах), ставшее в роду графов Олсуфьевых традиционным. Внук симбирского помещика Анисифора (Онисифора) Матвеевича Татаринова тоже именовался Анисифором Матвеевичем (что вносило изрядную путаницу в родословную семью).

Более того, традиционные имена иногда делаются даже как бы «обязательными». Отсутствие таких имен в семье или необычный порядок их наречения, как правило, находит объяснение в чрезвычайных обстоятельствах. Так, в роду помещиков Старобельского уезда Харьковской губернии Сухановых (впоследствии – Сухановых-Подколзиных) установилось неизменное правило старшего сына называть Гавриил. Между тем, согласно родословным, у одного из

Гавриилов Гавриловичей Сухановых это имя носил не старший, а младший сын. Объяснение, как казалось, нарушению традиции состояло в том, что, как выяснилось, первенец в семье на самом деле был именован именно Гавриилом, второй сын – «произвольным» именем «Борис» (в данном случае – в честь деда по материнской линии), но после этого старший скончался в младенчестве, и это имя «вернулось» к третьему сыну (первый же как бы «выпал» из семейной родословной, и его существование – а это в данном случае следовало предположить – удалось подтвердить лишь случайной находкой).

Практика называть очередного новорожденного в память о другом ребенке, скончавшемся в детстве, была достаточно распространена. Более того, в старину нередко одно и то же имя могли давать очередному сыну или дочери, даже если в семье уже росли одноименные брат или сестра; однако при этом формально одноименные братья и сестры обычно имели разных, но тоже одноименных небесных покровителей.

Существовали и другие традиции и обычаи. Так, в соответствии с фактами церковной истории и истории канонизации святых, в некоторых семьях встречаются имена, обязательно сопутствующие одно другому: Борис и Глеб; Вера, Надежда, Любовь и София; Козьма и Дамиан (Демьян); Константин и Елена...

Вместе с тем встречаются ситуации, выпадающие из обычных правил, в том числе случаи своего рода антропонимических «чуждачеств».

Так, почти все потомки жившего в середине XVII века Абрама Васильевича Волкова (древний дворянский род Ярославской губернии, к которому принадлежало несколько видных деятелей) на протяжении двух столетий называли, как правило, всех (!) своих многочисленных сыновей и дочерей именами, начинавшимися на «А». Поскольку же различать отдельных персон в этом разросшемся родственном клане стало со временем затруднительным, пришлось вводить в семейный ономастикон редкие для того времени имена (например, Аполлон), которые, однажды появившись, в свою очередь, делались в этом родственном кругу традиционными.

Дети дворянина Московской губернии Ивана Александровича Старынкевича (брат коего, между прочим, носил имя Соломон) именовались следующим образом: Сократ, Муза, Юлий, Поликсения, Ариадна, Клеопатра, Эраст и Олимпий, среди его внуков и правнуков числятся Кронид, Леонид, Сократ, Ада, Паллада (некоторые из этих имен не числятся в святцах!) и даже, так сказать, более «обычные» имена (такие, как Константин, Дмитрий или Леонид) приобретают в этом контексте особую «окраску».

В семье казанского дворянина Петра Андреевича Манасеина среди детей, родившихся на рубеже XVIII-XIX веков, числятся Вениамин, Вячеслав, Авксентий, Елпидифор и Апропиан (первые три имени в те времена употреблялись достаточно редко, последнее же два как тогда, так и ныне представляются экзотическими).

В родословной дворян Бычковых обращает на себя внимание тот факт, что дети Всеволода-Дмитрия Юрьевича Бычкова (1724-1792), помимо имен, полученных при крещении (Василий, Пелагея, Агафия, Анастасия и Константин), носили также второе, древнеславянское языческое имя (соответственно Василько, Сбыслава, Всеслава, Верхуслава и Святослав; впрочем, первое и последнее из них, в отличие от прочих, значится в святцах), причем и родная сестра его тоже имела два имени – Елена и Дубрава. Попутно заметим, что в некоторых ветвях рода Бычковых чаще обычного встречаются, например, такие имена, как Дементий и Гликерия (Лукерья).

Нередко наблюдаются случаи своего рода миграции имен из одной семьи в другую, из одного рода в другой. Так, имя Аполлон перекочевало из ономастикона

рода Волковых (где, как уже отмечалось, оно было традиционным) в ономастикон рода Майковых (в котором оно тоже «прижилось»).

Генеалог нередко сталкивается с проблемой определения семейной, родовой принадлежности того или иного лица, особенно в тех случаях, когда это лицо носит распространенную фамилию и, к тому же, достаточно обычное личное имя, когда существует несколько однофамильных родов или когда речь идет об одном роде, но роде многочисленном и разветвленном. Изучение статистики бытования тех или иных имен (в том числе и имен распространенных, обычных) в различных однофамильных родах нередко позволяет по личному имени или отчеству данной персоны определить ее конкретную семейную принадлежность.

В общероссийском ономастиконе наблюдаются некоторые региональные различия и предпочтения. В некоторых случаях это явление находит свое объяснение. Так, среди жителей Костромской губернии чаще, чем в других, встречается имя Геннадий. Это объясняется тем, что в свое время церковь причислила к лику святых костромского епископа Геннадия, и почитание его было особенно распространено среди костромичей. По такой же причине имя Митрофан встречается чаще всего в Воронежской губернии, поскольку был канонизирован один из местных святителей – епископ Митрофан, после чего его имя обрело среди жителей этого края особую популярность.

Особую группу имен образуют имена монашеские, дававшиеся при постриге. Издавна существовал обычай (в XIX веке он соблюдался редко) давать иноку новое имя, которое начиналось с той же буквы, с которой начиналось его имя, полученное при крещении. Поэтому (так сказать, «в обратном порядке») по монашескому имени иногда удается угадать мирское имя данного лица. Заметим при этом, что иногда постригаемый получал новое имя, совпадавшего с прежним, но принадлежавшего другому одноименному же святому.

В заключение обратим внимание на тот общеизвестный факт, что нередко личные имена давали начало родовым фамилиям. Прежде всего это относится к тем случаям, когда они играют роль отчеств и при этом имеют форму, обычную для фамильных прозваний (а не для отчеств, оканчивающихся обычно на «ич», – «вичить» в старину полагалось только очень важных, высокопоставленных персон). Но этот сюжет относится в основном уже не к личным, а к фамильным прозваниям.

Итак, генеалогические исследования обогащают историческую науку конкретным антропонимическим материалом и дают уникальную возможность проникнуть в историю бытования имен. В свою очередь, полученные знания помогают решать чисто генеалогические проблемы. Генеалогия служит антропонимике, антропонимикам – генеалогии.